

К ВОЗОБНОВЛЕНИЮ РУССКОГО

(Из деловой переписки учредителей Русского института
Глеба Павловского и Сергея Чернышева)¹

Г.П. — С.Ч. (I)

* * *

В имени Русского института слово “русский” не вид боевой раскраски – на страх “нерусским”. Русское в Институте – это, собственно, русские трудности. Ибо сегодня именно смысл слова нарушен, и простодушно пребывать в этом имени нельзя.

* * *

Есть трудность быть русским. Говорить по-русски, даже зваться русским – трудно, и эта трудность все нарастает, громоздится на повседневные, и невозможно жить, не именуя и самому при этом не именуясь.

Крушение СССР, утянув в Лету “советское”, не вернуло *русскому* его прежних прав. В этом имени сегодня звучит не столько идентичность, сколько забота об идентичности. В нем нет простодушия, сплошной вызов – именем потерянного достоинства. Фактом стала сама эта потеря, и она больше отличает русского, чем старое имя; отличает, но не роднит. Мы не столько русский народ, сколько вид, потерявший имя, – даже этим не объединенный в сообщество.

Безъязыкое и безымянное государство ведет в своих пределах войну, а ведь война – крайняя форма испытания суверенитета. Людей, обреченных войне, которой ни их язык, ни их воспитание, ни их культура и власть не дают объяснения, фактически подталкивают к варваризации. То последний оставшийся, темный путь в безграничьи, в скудных землях, не смеющих соотноситься на собственном языке с собственным прошлым. В жалком человеке, избегающем солидарности даже на речевом уровне – русскоязычном уроде в массе нерусскоязычных россиян.

Мы можем потерять свою страну, – Россией она будет при этом называться или как-то иначе. Останется сумеречная зона, где зачем-то говорят на порченном русском, как ныне балакает Брайтон Бич на языке, принадлежавшем некогда великому месту, откуда ушли, так ни к чему другому и не пристав.

“Русское” сместилось в поле препирательств, административных определений; его осевая роль в русской культуре уже несущественна. Имея дело с опустошенным собственным именем, словом-чучелом, культура избегает именовать себя русской, и бежит всех связанных с этим трудностей. Она забредает в псевдонимику, вытравливая в себе навык спрашивать. Она бросает человека, а тот привыкает без нее обходиться. Уже не нужна школа, не нужна и книга, написанная по-русски. Русская варваризация этих дней – смывает имена.

* * *

Она смывает и прошлое.

Непродуманная, трусливо обойденная в 1991 году задача преемства новоставшей России сегодня мстит нежеланием гражданина сжиться с государством. Случившееся, и ни в какой ряд не вращенное – не привилось.

Кому наследует новая Россия: дофевральской России-империи? Кратковременной Российской республике – имперской демократии весны-лета 17-го года? Октябрьской Р.С.Ф.С.Р.? Призрак ее воскрес было в 1990-1991 гг. и, собственно, только он один и вытекает из денонсации Союзного договора 1922 года. Или все же покойному СССР – сверхдержаве, победителю Второй мировой войны и соучредителю ООН?

На этот вопрос не стали отвечать, предпочли самый странный в правовом отношении вариант СССР-РФ, то есть правопреемство от интернациональной сверхдержавы к национальному государству, отчуждая новое государство от всех его исторических и культурных символов разом.

Источник крушения советского идеализма в перестройку – поправление “русского”. До “советского” русское было всеобъемлюще. В теле советского оно стало альковным, частным и слегка оппозиционным обособлением круга “наших”. Этнические манипуляции (включая историю с “внутрисоюзной суверенной Россией”) окончательно политизировали русское имя, сделав его просто непригодным для глубинного личного исповедования.

“Советское”-то и сузило, ограничило “русское”! А вослед явился казенный оборот “россиянин”, о котором до того не слыхали и который, как йети, никому не встречался. (Написана уже и кантата “Не русский я, но россиянин” – для исполнения в протокольных случаях). А представь Америку, житель которой больше не смеет зваться американцем, но только “американером” или “американменом”.

Из цивилизации вынули штифтик, и головоломка-рубик распалась. Русское не было опрокинуто силой, не было подавлено. Русское обезлюдело.

* * *

СССР был жесток и человечески несправедлив; за это мы дали его погубить. Но сломав СССР, поломали и мировой порядок – послевоенное, тоже несправедливое мироустройство, где скрученное биполярностью, билось под гнетом Лихо. И вот, мы все в другом мире, – где вовсе нет шкалы “справедливого”, смыта и смещена градуировка, и только сила сильных да мощна богатых признаны за какой-никакой аргумент.

Это не добрый к нам мир. Это мир людей, к нам вовсе не расположенных, помня о нас что-то злое и повидавших нас во зле. Это мир, где были и еще будут попытки нас вовсе стереть из карт: нет страны – нет проблемы. Новый мир иррационален – мы и оживили это иррацио сами – “черное зеркало”, кривой образ России. Что же теперь, биться с зеркалом? интриговать против теней?

Сегодняшняя вражда к миру за то, что он якобы источник помех нам как русским, повторяет ужасную ошибку – недавнюю нашу измену СССР. Мы ничтожны без Мира. Есть родство русских в немыслимости жизни без душевного устройства Мира. И однако мы уже готовы вновь испытать Мир на прочность, как давеча пытали СССР!

...Мириады живых связей – их так недолго разрушить. Не так ли повалили “империю зла”? Нужно это России, хорошо это нам?

То, что мир полон мерзостей, не оправдывает его разрушителей, – и не в помощь роющимся в обломках, на помойке нового мира. Отныне власть правит не именем опережения, а именем навсегда закрепляемого отставания. Нам велено занять место в спецклассе для “трудных подростков”, с неясной перспективой быть когда-то принятыми в чистое общество – в случае, если понравимся господину инспектору.

Спросите в Гарлеме, часто здешних подростков за послушание принимали в Беркли? Видов на “Стой! Руки за спину!” у них как-то больше...

* * *

Ясно дело, живем сегодня мы мелко, гнусно и мизерно, гнусностью отличаясь от соседей по глобусу. – “Величие”..! Глянь-ка на русского на стамбульском базаре: турецкоподданные в сравнении смотрятся викторианскими денди.

Газеты, сочащиеся злоумием, журналы, отсыревающие в слюне и сперме, – что здесь говорить и кому, и что обсуждать?

Мы накануне незамечаемого нами, страшного сдвига: потери заинтересованности со стороны последнего интересанта: цивилизации Запада. Не веря своим глазам, чувствуем, как по кирпичику подрастает Стена – предел, у которого пожизненно суждено копошиться нашим детям.

Да, есть “проблема России” как вызов и как проблематическая возможность, но в отсутствие ответа на этот вызов – возможность закрыта. Запертая, ситуация становится безальтернативной, съезжая к просто безвариантной. Уходя из этой ловушки, Россия должна бы в бешеном темпе предлагать идеи – не “о России” и, ради Бога, никого не уча.

Задача Русской программы – восстановить русское без кавычек и псевдонимов. Смею думать, именно этим занимался я в кругу “близких по жизни”, где ведущий был М.Я. Гефтер. Задача была недопоставлена, и в итоге недорешена. Недорешенная, нашла себе в мире обильную пищу, да пошла чумой на просторе косить страны и имена. Но ее еще можно выловить, найти формулу, поставить, а не успев решить, передать дальше в “плодотворной нерешенности” – то есть, в отпертом виде – как “добавку”, добавочный контур альтернативности. Так мое поколение получило в конце 60-х давящую мысль о конце СССР, и угроза этого, став кровью поступков, ввела в иную страну Россию.

* * *

Бывают беды худшие и поражения горше. Но подъем всегда начинается с того, что возникает воля осмотреться, счесть оставшееся – и опереться на избранные начала.

Русский человек почти уже смыт, и кто хочет, может тешиться его сменой на “россиянина” – статистическую неопределенность, внутри которой спрятан условный “русский”, противопоставленный всем и всему на свете. Для него кончилось время русской истории, и сломан ее анкерный механизм – зубчатка необратимостей.

Время ушло, его носят в чужих ландшафтах иные силы, он может раствориться в любую минуту. Наша работа состоит в том, чтобы попытаться приготовить себя и свою страну к этому имени – вновь, ибо места ему пока нет. Поэтому мы применяем здесь это имя не к себе, а к своему вопросу о месте и времени. Русское следует воссоздать, хотя бы как вопрос, временный протез выживания.

Почувствуем риск русского, подготовимся к нему. Рискнем именовать, не именуясь.

С.Ч. — Г.П. (I)

* * *

Если нужно выразить программу Русского института одним словом, я бы выбрал – *возвращение*.

Банальность есть способ существования материи. Под затертой оболочкой – одна из бездн русской речи, смысловой ее узел.

Возвращение как пространственная петля, перемещение предмета, приходящее опять в исходную точку. Маятник. Орбита.

Возвращение как временной цикл, периодическое воспроизведение ситуации – символ безысходности, замкнутого круга времен: “Все будет так, исхода нет...”

Возвращение вещи, материальной ценности или ее эквивалента, похищенных, отнятых или находившихся во временном пользовании, прежнему владельцу. Возврат долга.

“Возвращение забытых имен”, “Возвращение исторической памяти” – фальшивые клише перестроечных времен.

Возвращение как восстановление в результате ремонта. Возвращение в строй после лечения. Возвращение временно утраченных физических и психических функций: подвижности в суставе, зрения, слуха, сознания. Восстановление популяции раков в очищенном водоеме.

Возвращение как целый спектр сценариев жизненной драмы героя, прибывшего домой после длительной отлучки. Крайних вариантов два. Вернувшийся остался тем же, что и был, но изменились обстоятельства в точке возврата: солдат пришел, а враги сожгли родную хату, жена ушла с другим... Либо – дома все по-прежнему, но переменялся сам вернувшийся: за время пути собака смогла подрасти.

Возвращение как ритуальный шаг: дань памяти, прошлому, ностальгии. Посещение памятных мест. Возвращение маститого писателя в родное село: “Вновь я посетил...”

Возвращение как символический жест. Возвращение любовных писем их автору разлюбившим его адресатом. Возврат-отклонение дара. “Возвращаю проклятые деньги”.

Возвращение-знак. Возвращение голубя к Ковчегу. Возврат на прежнее место в ходе блужданий по лабиринту. Возвращение почтового отправления, не нашедшего адресата по указанному адресу или не заставшего его в живых. Летящие журавли в одноименном фильме.

Возвращение как иррациональный поступок, проявление неодолимого действия подсознательных или сверхсознательных сил. Возвращение на место преступления.

Возвращение как торжество и триумф: возвращение с победой, рекордом, открытием, добычей.

Возвращение как неудача и отступление. Возвращение-раскаяние к прежним отношениям. Возвращение блудного сына. Беглый муж вернулся в лоно семьи. Возвращение к привычной форме деятельности: “Опять ты за старое?”

Возвращение как мысленное или реальное действие с целью нащупать выход из тупика, вернуться к утраченным возможностям, начать сначала, пойти иным путем. Пьеса Макса Фриша “Автобиография”. Возвращение к подлинным фактам, исходным аксиомам от далеко зашедших гипотетических умозаключений. Возвращение-воспоминание (осмысление случившегося задним числом). Возвращение к истокам, к подлинному смыслу классического наследия как его обновление, ре-интерпретация.

Как было сказано, “ИНОЕ” – это философский пароход, который возвращается на родину... (Хотя, заметим, никто из пассажиров физическому изгнанию за пределы СНГ не подвергался).

Но русская речь – инструмент скорее лирический, чем философский, и “возвращение” не выговаривается, а выдыхается, выпевается:

“Я вернусь, когда раскинет ветви...”

“Жди меня, и я вернусь...”

“Возвращаются все, кроме лучших друзей, кроме самых любимых и преданных женщин...”

“Когда я вернусь, – ты постой, ты не смейся, – когда я вернусь...”

* * *

Семь десятилетий назад на западе были изданы написанные на превосходном английском два труда по истории русской литературы, равных которым, похоже, нет и по сей день: D.S. Mirsky, *Contemporary Russian Literature, 1881-1925*, London – New York, 1926; D.S. Mirsky, *A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)*, London – New York, 1927. С тех пор они регулярно переиздаются, переведены на основные европейские языки, – кроме русского.

Автор, Д.П. Святополк-Мирский (1890-1939), – потомок древнего княжеского рода, сын одного из высших царских сановников, в эмиграции оказавшийся вместе с деникинской

армией, – в сентябре 1932 г., будучи в здравом уме и трезвой памяти, добровольно вернулся в Советскую Россию. Здесь он активно включился в литературную жизнь и идейные дискуссии.

В 1937 году, после длительных критических разборок, перешедших в травлю, он был арестован, и в январе 1939 года умер в лагерной больнице под Магаданом.

Одна из ключевых загадок века – феномен русских *возвращенцев*.

В 20-е – начале 30-х гг. двинулся назад маятник великого переселения народов: сотни тысяч русских эмигрантов вернулись на территорию, откуда их выбросило революцией и гражданской войной. Снимем шапки перед теми, кто, повинувшись инстинкту родины, шел против исторического течения как лосось на нерест – речь здесь не о них. Но за вычетом этой массы останется значительное идейное ядро, которое заслужило, собственно, имя “возвращенцев” – тысячи нейронов, брызги разбитого мозга России, чье возвращение было результатом глубоко продуманного решения.

Тайны этого ядра ждут своего Резерфорда.

Вычтем из рассмотрения тех, кем двигала осознанная ностальгия. Исключим тех, кто добросовестно заблуждался относительно условий жизни в советской России, не знал о масштабах террора... Вычтем тех, для кого возвращение было сознательной капитуляцией перед большевизмом; тех, кто надеялся, покаявшись, уцелев и ассимилировавшись, занять теплые и выгодные местечки “буржуазных спецов”; наконец, тех, кто был контрреволюционером или агентом иностранных разведок и надеялся, внедрившись, в той или иной роли содействовать свержению советской власти или хотя бы досидеть до него...

Каков же сухой остаток после всех вычитаний?

Во-первых, это люди, внутренне неготовые переродиться полностью в советских граждан, неготовые принять публичное покаяние. Во-вторых, они не были непримиримыми врагами советской власти, равно как и не надеялись на ее чудесную эволюцию в краткосрочной перспективе обратно в царскую или же февральскую Россию. В-третьих, у них не было ни малейших иллюзий относительно тягот и опасностей советской жизни. Новые волны возвращенцев двигались в Россию, хотя было точно известно, что многие из предшественников уже казнены или сосланы.

Вот, собственно, загадка, вот Родос, здесь и прыгай!

Быть может, эти люди были просто ненормальными? Может, они были охвачены каким-то непостижимым инстинктом смерти, подобно китам и дельфинам, выбрасывающимся на берег? Или мы имеем дело со свехизоощренной провокацией органов ЧК, до сих пор не рассекреченной?

Социологизирующим умом такого не понять. От абстракции “возвращенчества” нужно спуститься к судьбе конкретного возвращенца. Этим человеком для меня, по стечению обстоятельств, оказался Николай Устрялов.

* * *

“Подлинная проблема Устрялова не в том, что он рвался в объятия к товарищу Ягоде. Устрялову понадобилось пятнадцать лет харбинских раздумий, чтобы понять, что значит для него “возвратиться в Россию”. Он не мог жить вне России. Не столько той России-кальдеры, что имелась в наличии, сколько России подлинной, которую он носил в себе. Она была внутри него – а он хотел быть внутри нее. Ему оставалось одно: вывернуться наизнанку.”²

* * *

Твардовский писал: “Где мы с тобой – там и Москва”. Вывернуться наизнанку – значит совершить творческое усилие по превращению своего *внутреннего* во *внешнее*, воплотить сокровенную, интимную Россию в ткань межчеловеческих (семейных, дружеских,

² См. “Кальдера Россия” //Иное: Хрестоматия Российского самосознания. Т.3

рабочих) отношений, опредметить ее в формах деятельности, институтах, вещах. И так шаг за шагом вокруг человека разрастается островок его подлинно-русского. Островки соприкасаются, сливаются друг с другом, образуя хрупкий архипелаг, *иное* казенного ГУЛАГа...

Здесь, мне кажется, просвечивает смысл возвращения возвращенцев.

Возвращение в иную, подлинную Россию – как акт мужества, выбор судьбы, как знак для подложной псевдо-России, что царство ее безосновательно, страдает хронической дрожью в коленках.

Возвращение неоплатного долга России – как запоздалый встречный дар ребенка матери, как переливание крови и души, само-выворачивание, воплощение внутренней родины вовне.

Возвращение России в мир – как творческий акт ее воссоздания, возрождения, нового воскрешения русской земли новым русским небом.

Все это вместе и может означать выход из межвременья, преодоление внеисторического провала, наше общее возвращение – России и мира – в живую Историю.

Ведь если Священная история повествует о грехопадении, изгнании и отчуждении от Бога, то человеческая есть история *возвращения* к Нему.

* * *

Парадокс пространства устряловских странствий: *возвращение не назад, а вперед* – в зазеркалье собственного прошлого.

“Речь – о глубочайшем прозрении будущего России, восходящем еще к Чаадаеву и Герцену. Идея Герцена о “революционной эмбриогении” намекает на возможность метаисторического зазеркалья, где архаичные (в частности, до- и предкапиталистические) структуры оказываются прообразом – а значит, готовым материалом для создания! – социальных структур будущего, постиндустриального и технотронного. Для Устрялова провал России сквозь твердь Истории означает не только пролом, через который хлынула магма внеисторического хаоса, но одновременно и прорыв, открывающий реальность путей в зазеркалье, величайшее откровение Метаистории в историческом времени.”³

* * *

Вот тебе проект Объявления Русского института.

(Прембула:)

В Москве учрежден Русский институт.

Появление института связано с грядущими президентскими выборами не более, чем приход весны и чаемое возвращение перелетных птиц. Однако, уже год как орнитологи бьют тревогу: птицы перестают возвращаться во многие районы бывшего СССР.

Весна без птиц напоминает потуги РФ предстать Россией. Подлинно русское, покуда сохраняясь в душевном тепле, внутри у большинства русскоязычных, все реже гнездится снаружи, в государственных учреждениях и социальных структурах СНГ.

Русский институт – упрямый скворечник, с наивной верой водружаемый на ближнюю березу. Это представительство иной, подлинной России на шагреневых просторах резервации “россиян” – россияналенда.

Институты новейшей республики РФ – сплошь и рядом приватизационные, нацеленные на частное присвоение общего под предлогом его бесхозности. К несчастью, при таком присвоении надличное и сверхличное улетучивается, как чапековский Абсолют. Дело Русского института – иное: собиране, воссоздание общей России из личных идей и частных духовных достояний.

³ Там же.

Не случайно ИНОЕ – хрестоматия нового русского самосознания – первый из завершенных проектов института.

ИНОЕ как вещь, увесистый четырехтомник – весомая альтернатива стереотипному пустословию программ мертворожденных “партий” и паралитических “движений”.

ИНОЕ – среди немногих выполненных планов на захиревшем рынке идей, скудном продавцами и забытом покупателями.

ИНОЕ – прообраз (покуда весьма несовершенный) ежегодного интеллектуального продукта Русского института. Одновременно это смысловое ядро и узел связи целой семьи проектов, сверхзадача коих – *возвращение, воссоздание русского как нового*.

Русское как новое, Иное – выводит из тупика псевдовыбора между “националистическим” и “космополитическим”.

Возвращение назад невозможно. Русское – это вечное возвращение вперед, обращение к живому прошлому, овладение им, любовь к нему, что творит будущее.

(Амбула:)

Настоящим объявляется, что проект Русского института вступил в стадию реализации и открыт для участия.

Г.П. — С.Ч. (II)

Русский институт – узел схождения ряда российских проектов конца века. Где же точка схождения?

Воля противиться “ходу вещей”. Вектор сопротивления – конструирование России, производимое на людях и в дружелюбном общении с ними.

Возможно ли еще существовать в качестве русского? Быть мыслящим и говорящим русским среди других миров (народов, миро-народов, “цивилизаций”) вокруг и, что существенно, в себе же самом? Или русское уже невозможно, закрыто для нас – его время прошло, и пытаться жить, говоря по-русски, значит зарываться в нору без выхода? Но это надо выяснить, и нельзя выяснить этого, не испытывая русское как основание совместной жизни – другую землю, другие небеса.

* * *

Поколение побега из СССР – отцы-основатели отходят в старение, в роздых, отступают в износ. Некуда больше жить сегодняшним днем и людьми его. Больше не нужно случайных людей у руля.

Отсюда: каков ответ России на вызов ее собственного Поворота? “Столбовая дорога мировой цивилизации” – было глупо, но ведь это был хоть какой-то ответ! Не поворачивают в “куда-то” – поворачивают ради чего-то, во имя чего-то.

“Российское своеобразие “ – не ответ. Никакое наше решение не освободит нас от задачи освоения всех инструментов западной цивилизации.

Западный мир развил и нюансировал тончайшую цивилизацию, самые трудности и задачи которой мы чаще всего не способны оценить, даже зная о них понаслышке. Новые коммуникации, финансовые инструменты, межнациональная интерференция институтов, быстрое приспособление экономики и политики к не-биполярному (изотропному) миру – создают среду другого, еще менее знакомого нам человека, чем прежде привычный “американец”, “европеец” или иной чужак (а и те большей частью – приблизительные карикатуры). Западное было хоть чуть-чуть доступно, что говорить о прочих? Между тем, в XXI миры открыто сочтутся, и не в условном “общемировом” пространстве – своими универсалиями.

Каковы будут наши?

И если мы не освоим эту среду – не только овладеем технологически ее инструментарием, но и с понятием, каков смысл, дух, цели его владельцев – дополнив им духовно осознанное *наше* – они обратят нас в собственное продолжение, дополнятся и продлятся в наших детях.

Мы обживаем сегодня свою судьбу. И не существует “дел поважнее”. Политика для нас теперь не так срочно. Срочно для нас – русская цивилизация. А цивилизация начинается с того, что мы вслух, по-русски, безбоязненно обсуждаем свои дела. Россия должна разучивать свою цивилизацию прошлого как сольфеджио. И другие цивилизации для нас столь же важны: они суть ноты нашей.

* * *

Здесь несколько вопросов, из них центральный для меня – язык русской цивилизации, ставший неадекватным мировым вызовам.

Русское как язык культуры строится по поводу иных языков и иных миров. Он требует высокой значимости чуждого и другого, он одержим этой значимостью.

По своей природе, от Пушкина еще, он нуждается в “немце” и “французе” – в первичном веществе чужого-другого-(инога?), в котором русский(-ое) и свивает гнездо (тема скворечника!). Для России Фронтир значит, пожалуй, еще больше, чем для Америки: Россия как цивилизация и есть фронтир, ничего помимо. (Или, по Гефтеру, “Россия – явление непосредственно мировое”)

Хорошо, когда это чужое первично, аутентично, свежо – как голландские купцы-офицеры, французские книжки, пополам с гувернантками, немецкие лясы... но с 1917-го (а с 1927 подчистую) поток чужого первичного был прерван – впервые после Пушкина. Обычную цивилизацию это бы только затормозило – Россию поразило в пятю. Ибо, чтобы существовать, она вынуждена была *придумывать мир вовне – придумывая далее себя по поводу выдуманного мира.*

Вот исходный механизм новой русской глупости – и этот механизм не разрушился с СССР, а высвободился и укрепился. Он-то и стал новой “точкой зрения” освобожденной России – бельмом, яростно мимикрирующим под глаз.

Таким образом, в момент мирового переустройства неслышанной силы с совершенно неясными векторами Россия заботливо перебирает огрызки своих прошлых “потаенных мыслей” и пытается смастерить из них чудо-юдо “русской идеи”, “национального самосознания” или чего-то такого. Однако Бердяев и “даже сам Фридман” бесполезны для нас сегодня, в этом контексте – они просто поздно и в виде игрушек доставшиеся инструменты ума, в свое время вынужденного обходиться без них.

Это средостение – механика гарантированного и ускоряющегося день ото дня отставания ответа от вызова.

Мы не просто не ставим перед нашей государственно-политической активностью вопрос *зачем*, но и последовательно демонтируем возможный контекст такого вопроса – последовательно же компенсируя разруху латками и подклейками из “норм мировой цивилизации” и “русской идеи”.

* * *

Русская культура – “провинциальная”, “окраинная по отношению к культурному центру”?

Здесь задето нечто важное, если только не спешить с приговором. “Провинциальность” – внутренняя характеристика сложенной цивилизации, часть ее механики. Провинциальность же, сама являющаяся матрицей высокой культуры, есть нечто иное...

Есть культура – “цивилизация”, “этнос” или “русский мир” – возникшая случайно, на перекрестке, в неподходящем месте, которое, тем не менее, именно ею было освящено. Есть

культура, основанная на косых взглядах через забор, к соседям. За этим занятием Бог ее застал – и оставил.

Что для Бога нельзя? Какие места Ему негодящи? Представим: Бог навестил зал прибытия рейсов Шереметьева-2 и “из камней сих” воздвиг – Мир. Случайно собранные ожиданием, чужие друг другу люди стали “нацией”, и у них в дальнейшем появилась национальная история.

Но у этих людей будет странная культура: они вечно ждут чьих-то прибытий из дальних стран, вечно гадают, как выглядят эти страны, – и среди этой “провинциальной болтовни”, в этих спорах у них бывают прозрения и пророки. У них странная духовность: культ чемодана, и высокие вещи они стараются обрамить формой наглухо запертой прямоугольной тары. И на портретах почему-то преобладают люди с сумками, паспортами...

У них необычное отношение к иностранцам: лучшая жизнь, они верят, располагается всегда в другом месте этого же, данного мира – и они вечно пытаются смастерить у себя нечто подобное тому, далекому.

Провинциальна ли такая культура в обычном значении слова? Нет, равносущна всякой другой. Однако у нее свои беды и свои бесы, свои немощи – как и у всякой другой. Нет спору, что для культуры, в ядре, в чипе которой впечатано сравнение себя с “немцем”, – болезнь сравнительности пуще прочих хворей. Во Франции “провинциальность” штука смешная и вместе достойная. В России сравнения ради недолго и город сравнять, и гору.

Русские равнять любят. И ранит их неравенство пуще прочего.

* * *

Можно пойти с противоположной стороны. Почему не предположить, что “Россия нормальная страна”, “страна как все”, с “недостроенной нацией”, с “недостроенным государством”, “недопокаявшаяся”, “недохристианизированная” (а шведы – до-..?) – избыток “недо”, “непро” и др. настораживает, но не настолько, чтобы не пометать.

Станем обходить все острые – то есть, больно режущие моменты. Например, тот, что нормальное национальное самоутверждение – суверенитет – одна из наиболее грязных вещей в мире, поскольку “предшествует праву”. Россия не получила и никогда не получит ни от кого разрешения на тот набор инструментов для утверждения суверенитета, которым утверждались все без исключения суверенитеты в Мире...

Но не кажется ли все-таки странной чем-то мысль: “Россия страна как все”? – за остатком тривиальности, не требующей никаких заверений (страна Россия принадлежит к родовому множеству стран)?

Не кажется ли, что сам этот вот пыл, – с которым, заметь, не впервые в русской истории после Пушкина, Чаадаева, Плеханова, Ленина заявляется об особенной, нигде миру неведомой добродетели “быть страной, как все страны”, “смирненно занять свое (подразумевается: скромное) место среди передовых наций”, – сам этот пыл чуден, заставляя задуматься, отчего так важно для этой “нормальной страны”: как все она или не как все?

Нигде суверенитет столько не значил, нигде к нему не подтягивались такие могучие мировые ресурсы. И только здесь, в суверенном национальном государстве под ядерным щитом, он по-прежнему сомнителен.

* * *

Травма России – скудость припоминаний. Нехватка истории, вневременье. Она все честно пытается понять, “как оно было?” – но ведь цивилизации не живут тем, что было – цивилизации живут припоминанием избранного.

Американцы припоминают не столько Гувера и нефтяных баронов, сколько Библию и Вашингтона. Англичане припоминают не Эдуарда, а греческую классику и королеву Викторию.

Россия должна создать свое припоминаемое. И тогда она вновь сможет быть.

После Гефтера невозможно писать “прошлое было”, “история была”: это грамматически неправильно. Прошлое и история существуют и движутся у него не в прошедшем времени, а как-то иначе. Прошедшее время – не “прошлое”.

Быть свободным от самого себя для человека, по Плотину, значит “быть раньше самого себя”. Не здесь ли творящая и освобождающая сила прошлого? Быть свободным – быть прошлым. Быть преждевременным и прежде-современным.

* * *

Россия больше всего остального мира. И именно потому легко признаться, что она – полная дура во всем, что касается знаний о мире.

Запад – волна за волною точащий тверди прибой, сплошные, быстро твердеющие наплывы *труда*, осажденные из свободы в быт, в государство, в ландшафт, в здешнего человека. Ячеистые пласты, соты утвержденности... Мы же страна, которой вдруг овладела странная тоска от нежеланья знать. Новые русские либо не понимали, что молодежи нужно учиться, либо думали, что это происходит где-то там, само собою, без нас и без наших расходов.

Каждый день мы отстаем от западных стран на десятки изданных (ими) и не прочитанных (нами) книг. Каждый день каждый наш школьник *не* узнает того, что в этот же день выучивает *их* студент колледжа.

Сегодня у нас “ничего нет”: нет даже умного описания собственного ландшафта, и за этим без– и недо-умием кроется без– и недо-любие. Но в этом духовном “ничего” живут, и выживают. Не убивать же их?

Нет сегодня ресурсов, которые нам не нужны.

Нет наследства, от которого наверняка стоит отказываться. Но и притязаний слабого на некогда брошенные имена (а с ними – и на имения!) – никто в мире не примет и не извинит. Наследование связано с долгами; с родом – генезисом, и принятием происхождения в культуре. И вот здесь хуже всего.

Процессы в России чудовищны оттого, что исчезла продуктивная среда идей – сообщество задачи, сообщества цели, сообщество дела (три сообщества в едином!). Нет причин мыслить, нет поводов разговаривать друг с другом на этот счет. То, что ныне творится с Россией – рывки децеребрализованного существа, с удаленной корой полушарий. Единичные усилия интеллектуалов спасают только их самих, и актуализироваться могут только при восстановлении коры.

Предстоит собирание русского ума, на людях и в общении с ними. Центром такой работы в последние годы жизни Гефтера становилась мало-помалу для меня Русская программа. Состав ее – внимание к Миру как контекст любой внутренней дискуссии. (Россия идентична и хорошо себя чувствует только в предстоянии Миру.) Отказ от стилизации, от интеллектуальной моды на сленг – попытка говорить об идеях и ситуациях по-русски. Попытка интеллектуально существовать в русском языке. В прессе и журналистике – это начало открытой борьбы за альтернативность. За возвращение слову и мысли их статуса, их простых прав.

* * *

Русская растерянность носит не политический и не эмоциональный характер – она “хорошо организована”, заострен в формах российского интеллектуального рынка.

Интеллектуальный ресурс России сегодня довольно странно структурирован. Это образованское начало – все еще мощное, хотя оно же чаще является тормозом. Это способность читать, получившая чудовищно мнимое, одно из наиболее мнимых в России видов насыщения. Трагические последствия здесь имела ничтожная случайность: лидирование журнализма в перестройку, создавшее из СМИ квази-идеолога и квази-аналитика (“экспертно-аналитические центры” стали Пролеткультом или РАППом для новых русских). Само это лидирование имело в основе книжность нашей буквенной

цивилизации – при неповоротливейшем издательском цикле: в перестройку тот засбоил, а толстый журнал, поерзав задом, сел в кресло властителя дум. Под занавес, когда все устали думать, место публициста из журнала занял комментатор теленовостей.

И наконец, Москва.

Москва сегодня – стратегический плацдарм суверенитета, место рывка; плохое, но единственное реальное. Пружина этого проблематичного суверенитета еще должна распрямиться. Не так “столица России” (этого как раз и нет), как *столица русских*.

Фактически, “московский феномен” имеет в основе тот стартовый набор, которого москвичи лишили других: образование, языки, связи, свободный доступ к иностранному и неограниченное распоряжение ресурсами советского наследия (в ликвидной форме). Бандитская, мерзкая, обожравшаяся Москва – город опасных людей, остров силы и риска, награбленных и отовсюду стянутых средств – возможный ответ на вопрос “зачем было *все это*?”. Здесь с России взяли оброк на русский XXI-й век. Взяли на правее и без возврата. Но может быть, *русское* еще раз начнется с *московского*?

* * *

В составе нынешней духовной ситуации русских недостает инстанции коры головного мозга – места обдумывания и обсуждения общей жизни. При жизни такое место было подле Михаила Гефтера. Его нет, и жить мысля придется без столь могучего повода, как он. С Гефтером и СССР рухнул интеллектуальный строй, исчезли порядок и метод озадачивания субъекта. Мы ослабели умом (хитрость пока не в счет). Теперь надо взять смелость высказывать всякую затаенную мысль вслух – таков путь от “размышлений” к *идеям*.

Цивилизации конца века несопоставимы, зато сопоставимы их проблемные напряжения, их гео-разломы, их манеры относиться к собственным вызовам. Новый постисторический Мир возникает где-то здесь – в пространстве цивилизационной и мировой недостаточности старых и новых субъектов. И то, что я ищу в журналистике, не кончается на “Веке XX-м” – это *Русский журнал*. Принципиальное изменение относительно старого “Века” – появление межцивилизационной сравнительности.

Да, у нас были герои, была история, есть традиции и привычки... И многое из этого нужно не столько “вспомнить”, сколько забыть, – чтобы попытаться войти в мир русскими, и встретиться однажды, быть может, и со своим прошлым. (Прошлое тоже, кстати, никому не гарантировано, как и будущее).

* * *

Можно и дальше жить у себя дома как в джунглях, только из передач узнавая, что еще с нами сделали. Но если в этом веке возможно было “что угодно”, это не только мандат на злодеяния. Это были еще и – Израиль, Китай, Турция, Тайвань – выдуманнные, и затем воплощенные в жизнь страны.

Есть право придумывать иные условия жизни, чем оставленные тебе судьбой и соседями. И мы вправе выстроить Россию по иному принципу строя: чтоб не бояться более. Мы поселимся у себя в России, как в стране, где не страшно жить.

Ясно видна диагностическая сверхзадача русской программы для России. Предстоит заново выработать концепцию культурной жизни в РФ – на основе описания непустого пространства сложившегося “русского”, чем явно не стало “включение в мировую цивилизацию”. Русские выдумщики нашли иные включения, и ничего – живут.

Мы начинаем с тем, что имеем, и с теми, кто готов, не дожидаясь ничего и никого. Те, кто уже сегодня готов к другому (не самые лучшие, не самые умные, не лучшие говорунны, не выдающиеся успешники...) – и есть участники Русской программы.

* * *

Итак, “возвращаться”? Мне ближе однокоренное – *возвращать*.

Россия стала маленькой, темной, ничейной. Она другая, чем проклятая нами, и иная, чем управляемая “ими”. Она сама по себе. Но как она ни тесна, именно *эта Россия* уже полита собственной кровью. За нее уже плачено жизнями не только случайных жертв – за нее отдают жизни. Смертями эта Россия выкуплена у случайностей своего появления – и прирастает, приживляется к имени собственному.

Несомненно, что какая-то Россия уже есть – не ельцинская, не беловежская, не “постимперская”... Ее так же можно “потерять”, как две-три предыдущие – и будет кому оплакивать. Ей надо помириться с людьми, которые в ней поселились, живут и останутся жить.

Она должна для них проясниться.

Я бы сказал просто, тихо сказал бы: *страну надо вернуть*. Здесь ведь неплохо жить, признаться, вот и обоснуемся здесь. Еще не раз станет жутко; будет и страшней, чем теперь. Нас ждут плохие новости в долгом ряду скудных, жестоких лет. Сменятся люди, и иные из них будут нам отвратительны. Но ясно станет, по крайней мере, из-за чего собственно мы умираем. А пока это знают одни убийцы.

С.Ч. – Г.П. (II)

* * *

Зачарованный своими электронно-ядерными побрякушками, наш век прозевал подлинное лингвистическое чудо. В ходе реализации безумного замысла, что был выношен кучкой интеллектуалов в конце прошлого столетия, один из классических мертвых языков на глазах становится живым. Речь об иврите, который, кажется, еще вчера был языком Ветхого Завета, Талмуда и Каббалы, достоянием кучки ученых хасидов. Обсуждать на нем синемаграф, импрессионизм и беспроволочный телеграф было столь же немыслимо, как описывать серверы Интернета на языке “Слова о полку Игореве”. Но сегодня в мире живет несколько сот тысяч людей, для которых иврит, оставаясь языком священных книг, служит средством для повседневного общения и ориентации в современной жизни. Налицо крупнейший вклад в воскресительное “Общее дело” Николая Федорова.

Тем временем язык, на котором говорил и писал сам Федоров, стремительно прodelывает обратную эволюцию.

Русский навсегда останется языком великой культуры, и в этом качестве ему ничто не угрожает. Даже если вообразить, что все “этнические русские” исчезли с лица земли, – несомненно, в мире всегда найдется несколько сот специалистов и ценителей из Австралии, Китая и Гватемалы, которые, используя литературные памятники, русский выучат “только за то, что им разговаривал Ленин”, Достоевский или Бердяев. Однако обсуждение на русском языке современных проблем к концу тысячелетия стало практически невозможным.

Еще в 1949 году один из знаменитых русских изгнанников, чувствуя, как немеет язык, успел выговорить, что родная речь изменяет, перестает быть тем, “чем был для Тургенева русский язык, уже не целительный для нас с тех пор, как мы узнали всю ту меру или безмерность лжи, какую он способен нести в мир”.

Но ядом этой лжи в первую очередь было отравлено обществознание – специализированный раздел языка, служащий обществу для самоописания.

Потеря самосознания – обморок культуры.

Русский Мир может скончаться, не приходя в самосознание.

И тогда, как знать, лишь потомкам спустя тысячелетия удастся его воскресить. Только вот будут ли эти потомки нашими?

* * *

Российский дом издавна смотрел двумя окнами на Запад и на Восток. В разные времена они то сужались до размера бойниц – то прорубались во всю стену, то

зашторивались железным занавесом – то распахивались настежь. РФ – дом без стекол, но с заколоченными ставнями. Когда в начале восьмидесятых снаружи грохнуло и в щелях ставен заплясали огоньки, обитатели попадали с полатей и, очухавшись спросонья, приступили к радикальным реформам: принялись переклеивать обои и морить клопов в чулане. Но никто так и не удосужился выглянуть, что там сверкает снаружи: пожар, извержение, праздничный фейерверк или испытание нового прожектора?

Нет, сдаюсь! Никакие аналогии и метафоры не переселят анекдотическую жуть реальности: в ответ на “судьбоносные сдвиги” и “вызовы грядущего миропорядка” совокупный Михал-сергеич принялся внедрять региональный хозрасчет...

Еще страннее обошлись с окнами рыночные реформаторы. Восточное попросту заложили кирпичами за ненадобностью. А западное, подобно волшебной дверце в каморке папы Карло, дополнительно заклеили изнутри плакатом с изображением лубочного Запада интеллигентских былин: витрины “Вулворта” на фоне размыто-радужных пятен “демократии” и “прав”.

* * *

Но не стоит торопиться с проклятиями в адрес большевиков, первыми наглухо заколотивших ставни. Конструктор относится к реальности совсем иначе, чем исследователь. *Весь мир станет таким, как мы*, – таков был императив российско-советского отношения к миру начиная с двадцатых. Строителя, не ограниченного ни временем, ни средствами, не слишком интересуют особенности места, где возводится очередное типовое здание: бугор он сроет, яму засыплет, болото осушит, а лес сведет. Мы с презрением относились к описательной географии старика Хоттабыча, повествующей о землях, где плешивые люди питаются еловыми шишками и муравьи ростом с собаку роют золотиносный песок. К чему перегружать себя сведениями о местных тейпах, трайбах, свычаях и обычаях строителям социалистического Лаоса, марксистской Эфиопии и народно-демократически-республиканского Афганистана? Конкретной обстановкой на местах владеют испытанные кадры вроде первого секретаря Парижского обкома товарища Дюкло...

Мы были носителями могучего нормативного мифа, предписывающего странам и континентам единообразно и молодежато просоответствовать комидеалу, и в этом смысле не нуждались ни в каких дескриптивных моделях преобразуемого. Но как только миф разрушился, положение стало в корне иным. Внешне мы просто поменяли императив на его зеркальную противоположность: вернемся на магистральный путь развития цивилизации, то есть *станем такими, как весь мир*. Зеркальный миф, соответственно, нимало не интересуется, кто такие эти “мы”, подлежащие типовой фукуямизации. Но – внимание – полной симметрии нет! Миф-предписание всему миру стать таким, как мы, содержал внутри себя нормативный шаблон “научного коммунизма”. Новый миф, предписывающий самим себе стать такими, как весь мир, содержит дыру на месте описания “всего мира”. В результате де-факто “Мы” определяем себя как “Те, Кто стремится стать Дырой”. И это одно уже предопределяет зияющую пустоту на месте денотата современного “русского”.

* * *

Россия – родина буридановых ослов. Вечно нас подталкивают к роковой дихотомии, развилке принудительного выбора между “невыносимо” и “недостижимо”. Герои отечественных былин в таких случаях перли напролом.

– Василий Иванович! Ты за большевиков али за коммунистов?

– Я... за Третий Интернационал!”

Прямо пойдешь – себя потеряешь... Но, быть может, лишь потерявший себя – доподлинно себя обретет.

Найдешь и у пророка слово,

Но слово лучше у него,

И ярче краска у слепца,

Когда отыскан угол зренья,
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

* * *

Сделать весь мир такими, как мы – либо стать такими, как весь мир. Дано ли третье?
Стать самими собой.

“Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить?”

При подлинном, без дураков, усилие стать собой, “возвращение к себе” совпадет с “возвращением в лоно мировой цивилизации”, радикальное западничество сомкнется с радикальным почвенничеством. Как выявить уникальные и неповторимые свойства родной почвы, коли на ней растут одни лопухи? Посеять в нее нечто, произрастающее на почвах иных! Понятно, что импортный корнеплод (картошка) или злак (кукуруза) будет поначалу расти через пень-колоду и испытывать массу проблем, покуда в результате упорных усилий отечественных селекционеров и гибридизаторов не возникнут новые сорта, которым уже прежняя почва будет не по нутру. Подлинное создание нового вообще, как правило, проходит через межкультурное взаимодействие, заимствование чужого и упорную, творческую его трансплантацию.

Точно так же, к примеру, снимается кажущееся противоречие между конспирологическим подходом и его полным отрицанием. Как узнать, подсыпают ли троцкисты битое стекло в поило буренкам, если животные давно не кормлены, а в коровнике гуляет сквозняк? Единственный способ выявить существование внешних и внутренних заговоров – достаточно долго холить и лелеять скотину по мировым стандартам и лишь после этого сопоставить полученные надои и привесы с зарубежными.

* * *

Что значит *обрести самость* в качестве ответа на вызов времени? Возьмем образ, бессмертный в своей банальности: весь мир – театр.

В прежней версии мировой спектакль виделся нам как цепочка непересекающихся монологов, где персонаж–“Феодализм” встречался с “Капитализмом” лишь затем, чтобы получить от последнего по голове лопатой и, падая, успеть сдать дела. В современной западной версии, рассчитанной на публику, на мировой сцене происходит борьба сил добра (“открытых обществ”) с силами зла (обществами “закрытыми”).

Но подлинная драматургия возникает лишь там, где в надоевшую свару старых персонажей встревает новый герой – Чацкий или Лопухин, который творит нечто иное. Что значит – в этих терминах – увидеть путь России в двадцать первом столетии? Нужно ответить на три вопроса.

1. Какие новые роли могут возникнуть или уже возникли в мировом спектакле?
2. Определелись ли в действующей труппе кандидаты на все эти роли, или же имеются вакансии?
3. Каково русское актерское амплуа и каким из новых ролей оно соответствует?

Но покуда никто на русском языке не ставит этих вопросов, а Россия-РФ враскорячку торчит посреди мировой сцены, не ведая смысла происходящего, ни в чьих играх не участвуя и абсолютно всем мешая.

* * *

Русский текст рассыпается, поскольку разорван русский смысл.

Язык любой нации “диалектичен” в том смысле, что сохраняет в себе массу недопрожеванных и плохо переваренных *диалектов*. Язык метакультуры есть нечто иное – *метаязык*: указанные диалекты живут в нем вполне самостоятельной жизнью, сосуществуя в плодотворном корпоративном симбиозе. “Русскоязычные” – всегда как минимум двуязычны. Речь идет не только о головокружительных конструктах типа “русских поволжских немцев

из Казахстана”. Билингвами являются почти все “этническо-русские”. Физики с болезненным интересом вслушиваются в неразборчивый лепет лириков. Блатные, при известном напряжении, могут изъясняться на языке лохов. Русское пространство содержит множество “зон”, и в каждой “ботают” по-своему. Со времен краткосрочной армейской службы двадцать лет мне все снится “шептало одиночного огня” и звучит в ушах команда: “Ввернуть маховичок толкателя!” А ведь эту тарабарскую фенечку понимают миллионы служивших в советской армии, превышающие своей массой средних размеров европейскую нацию.

Единственное исключение – язык столичной субкультуры. Он-то и сообщал пространству русской речи качество “мета-”, непрерывно генерируя и обновляя поле общих ценностей и смыслов.

Самое тяжелое бремя советских времен – вынужденная бессодержательность русского текста. Под давлением официозного “новояза” он приспособился растворять гомеопатические крупы смысла в цистернах казенной фразеологии. Но когда была объявлена всеобщая амнистия – смысл так и не вышел на свободу: то ли бежал и сгинул, то ли помер в лагерном лазарете.

Освободившись от тоталитарного льда, стихия родной речи, казалось, привольно зашумела и забурлила, как встарь, – на полотнах Айвазовского. Но вода оказалась кипяченой. Умные рыбы ушли из нее. И ловцы тщетно закидывали невод – приходил он с публицистической пеной. Квинтэссенция гласно-перестроечной проблематики: Какая дорога ведет туда, где пышнее пироги?..

Новейший пиджен-рашен страдает наихудшим видом гёделевской неполноты: не содержит выразительных средств, чтобы поставить основные русские проблемы. А те, что хоть как-то формулируются, не имеют в нем решения. И потому немногие творческие единицы и секты смыслопроходцев, что бьются над проклятыми вопросами, сооружают для этих нужд, – кто вслепую, а кто и вполне осознанно, – местечковые версии эсперанто и самобеглые лингвистические протезы.

Хрестоматия “ИНОЕ” представляет собой коллекцию таких диалектов. Авторы сплошь и рядом открывают совпадающие или вполне совместимые истины об одном и том же предмете, а противоречия между ними коренятся не в семантике, а в характере выразительных средств. “Постперестроечное” русское самосознание корчится, безъязыкое, хотя его смысловые узлы вполне определились. И тут не обойтись одним заимствованием иноязычных терминов. Грядет ли шишковское “хорошилище”, шагает ли пушкинский фронт, – спор о России топчется на месте.

Возобновление русской речи – удел не столько мыслителей, сколько строителей, выпускников нового Русского университета, “гуманитарного физтеха” третьего тысячелетия, который предстоит создать еще во втором.

* * *

В 75-м отец, отслужив тридцать два года, вышел в отставку, родители перебрались из Астраханской области в Подмоскowie, и моя связь с Волгой, и без того ограниченная редкими проблесками студенческих каникул, оборвалась. И вскоре в жизни обнаружилась громадная, ничем не заполняемая пустота.

Под влиянием полуживотной тяги к большой воде я однажды добрался до Переславля-Залесского, и здесь, колеся по городу в поисках подступа к Плещееву озеру, наткнулся на Спасо-Преображенский собор – первый в моей жизни “образец храмового зодчества Древней Руси, датируемый 1152-57 гг.”

Не буду пытаться передать впечатление, которое он произвел, – это вряд ли возможно, да и речь не о том. Битый час я топтался на площади перед ним, то отступая назад (он мигом превращался в миниатюрный крепыш-боровик с белоснежной ножкой толще шляпки), то приближаясь вплотную (он вырос неожиданно стройной громадой, нависая, как новое небо). Мне неведомо, как бы он вписался в окружающий пейзаж: от XX века храм

был напрочь отгорожен ширмой высоченного земляного вала, что опоясывал Переяславль тысячелетие назад.

Это если глядеть прямо перед собой. А если скосить глаза влево, – там маячило что-то узорно-красное, пестро-чешуйчатое, приевшееся московскому глазу, как маковки Василия Блаженного. Окажись на моем месте иностранец, он не усмотрел бы между этими сооружениями ничего общего. То, что впереди, – звучало чистой нотой европейского севера, те, что слева – впитали скифский звериный стиль, минареты Индостана и джунгли Ангкор-Ватта. Их и впрямь разделяли полтысячелетия исторических катаклизмов и, возможно, по Гумилеву, даже рождение нового этноса. До сих пор заплетается язык, когда пытаешься объяснить это извне. А изнутри все обстояло просто. Мне было совершенно очевидно, ощущалось нутром: и то, и другое – *мое*. “Мне” – комсомольцу семидесятых, обитателю хрущоб, возведенных спустя еще четыре века, вчерашнему студенту, взятому подмастерьем в артель системщиков, залетевших мыслью куда-то во вторую половину XXI века. “Мое” же означало – *русское*, и в нем свободно помещались и первый, и второй, и третий миры.

* * *

Миры русской метакультуры пребывают в таинственном единстве в глубинах российской личности, но социум объемлет их гетерогенный набор как дырявая авоська. Очередной новый мир в недрах русского всякий раз внезапно вырастал на костях старого, но уже изначально был подвержен порче и упадку. Прогрессивное московское царство, положив конец раздраю княжеств и пресловутому игу, пострадало от злоупотреблений опричнины и впало в смуту. Ряд российских императоров, начиная от Петра, только деградировал, как курс акций МММ, докатившись до пустоглазого Николая. Революция 17 года, разом прекратившая эти безобразия, с первых же шагов была чревата извращением собственной генеральной линии и искажением чистой идеи социализма. Выходит, мы никогда и не были сами собой, не жили правильной, органичной, собственно русской жизнью.

Трещины раскалывают не только российское время, но и российское пространство. На необъятных просторах нашей Родины издавна сосуществует население в портках и шальварах, обладатели армяков и халатов, попеременно примеряя роли сюзеренов и вассалов, “колонизаторов” и “колонируемых”. Сосуществуют не так уж плохо. Гумилев писал, что отношения между славянами и тюрками характеризуются комплиментарностью, по-простому – взаимной приязнью. Под игом большевиков эта комплиментарность переросла было в “новую историческую общность”: на половине русских московских голов красовались тюбетейки, а руины церквей были неотличимы от развалин мечетей. Но стоило скрепам советской власти ослабнуть – тут же вскрылась зияющая пропасть между православием и исламом, и русскоязыческое население обязали определиться. “Русское” как объемлющее начало переживает свои пульсации, и при его затухании скрепляемое множество культур мигом рассыпается на враждебные осколки.

* * *

Так не растолочь ли сие взрывоопасное разнообразие в порошок, точнее – в баклажанную икру современной “нации”? В этом и состоял сокровенный замысел ИНД. Свободные (по западным стандартам) ИНДивиды образуют “электронный газ”, чутко откликающийся на магнитное и электрическое поле экономического и правового регулирования. Российские “электроны” завязли в узлах кристаллической решетки общинных, корпоративных и иных архаических структур. В результате получается диэлектрик, нечувствительный к силовым линиям рынка. Столыпинская реформа, сталинское раскрестьянивание, гайдаровская шоковая терапия, – все это различные по своим масштабам и методам попытки выковырять заряженные частицы из кристаллической решетки российского социума. Ценой успеха подобной модернизации всегда является социальная катастрофа. Но получаем ли мы в итоге то, за что готовы платить такую цену?

Кристаллы русского льда под ударами революций и модернизаций превращаются в крошево, в месиво, из которого сочится вода. Вода, стандартная жидкость с формулой H_2O , податливо заполняет любой объем и, главное, неплохо проводит электричество. Цель достигнута?

Но наука XX века выработала совершенно иные представления о воде. Ее молекулы объединяются в многомерные структуры, обладающие загадочными свойствами. Молекулы воды имеют память. Вода помнит не только вещества, что были некогда в ней растворены, но и берега, в которых она текла, и формы тел, что входили в нее и в ней тонули. В русских сказках есть мертвая вода, от которой срastaются части, бывшие некогда целым, и живая вода, под действием которой это целое восстает от смертного сна. Есть тяжелая вода, источающая яд радиации. И есть вода святая.

Энергия революционного катаклизма не рассеивается бесследно. Разрывая человеческие связи, она искривляет и сворачивает социальное пространство, заключает его в оболочку личностной “монады”. По формуле Эйнштейна, энергия внутренних связей может оказаться эквивалентной массе галактик: элементарная частица содержит в себе целые миры и звездные архипелаги. Ильич, записывая с чужих слов тезис о неисчерпаемости электрона, едва ли думал о возвращенцах.

* * *

Имперские и советские границы Третьего Рима пали, а новым, похоже, не быть. Как ни ухитришься разместить столбы и межи – огромная часть живущих и думающих по-русски окажется вовне, и напротив, прихватывается изрядная доля тех, что страдают прыщавым подростковым зудом сочинять гимны, гербы и конституции и готовы щедро платить за это чужой кровью.

Грядущее столетие – время окончательного упадка *государств* в качестве формы социальных организмов. И Россия имеет все шансы возглавить этот процесс, успев рассыпаться еще во втором тысячелетии.

Но ситуация российского кризиса, как всегда, амбивалентна.

Русский человек, став непосредственно мировым, может сохранить язык и культуру, лишь создав *принципиально новую форму суверенитета*. Россия начнет обживать третье тысячелетие в качестве *метанациональной корпорации*. У нее уже не будет ни государственных, ни каких-либо иных границ. Весь мир будет открыт и прозрачен для нее, как и она, в свою очередь – проницаема для мира. Каждый фотон, как известно из квантовой механики, заполняет собой всю Вселенную. Конечно, Средне-русская равнина надолго, если не навсегда, пребудет сердцевиной особо предпочтительного и компактного русского расселения. Но и это не значит, что иноязычные не смогут попасть в самое русское яблочко и устроить там свой Кукуй. Одновременно по всему миру, ставшему вселенской русской диаспорой, расцветут русские острова и архипелаги, не ущемляющие ничей суверенитет: где-нибудь на Новом Афоне и в Иерусалиме, в Форте Росс и на Аляске, в Асуане и Луанде, на Кубе и в Австралии, на Балканах и в Гималаях, в Париже, Ханое, Харбине и на полуострове Дальний.

Русский институт – один из первых десантов *всемирной корпорации Россия*, ранних ее ласточек. А ласточки – летуны не просто межконтинентальные, им случается и до страны эльфов добираться. Двойной знак: весны-обновления – и вечного возвращения.